

Аполлон Григорьев

Мое знакомство с Виталиным

Продолжение рассказа без начала, без конца и без морали

Аполлон Григорьев. Воспоминания
Издание подготовил Б. Ф. Егоров
Серия "Литературные памятники"
Л., "Наука", 1980
OCR Бычков М.Н. <mailto:bmh@lib.ru>

I
ЧЕЛОВЕК ЭПОХИ

Раз как-то, в начале или в конце мая прошлого года, не помню, право, но знаю только с достоверностью, что это было в мае, в один из редких в Петербурге светлых майских дней, и притом утром, - я сидел у окна в кондитерской Вольфа {1} и занимался изысканием средств, как бы можно было вовсе не заниматься ничем на свете; к величайшему сожалению, все, что было у меня перед глазами, слишком живо напоминало мне об отдаленности блаженного состояния человечества: и движущиеся волны чиновного люда на Невском, и длинные физиономии людей, сидевших подле меня, и как я же, не имевших положительного занятия и соответствующего ранга, но видимо желавших пополнить этот недостаток самовольным углублением в европейские сплетни. Скиф и вандал, вовсе чуждый политике, я покушался часто принудить себя прочесть хотя лист "Times" или "Presse", но - увы! - оставался всегда при одном покушении; со мной сжилась как-то ненависть к цивилизации, и в этом отношении учение Фурье {2} пало мне глубоко на душу, очень понятно поэтому, что я начинал скучать невыносимо; и убедившись окончательно в невозможности ничего-неделания, я стал придумывать, как бы заняться чем-нибудь; но день, неумолимо длинный день представлял мне во всем своем ужасающем однообразии... Идти куда-нибудь было бы совершенно бесполезно, людей в Петербурге до 4-х часов можно отыскать только в канцеляриях, а я давно уже не заглядывал ни в одну из "таковых" и в этом отношении мог сказать о себе:

Не верил только потому, -
Что верил некогда всему. {3}

Я вспомнил о Москве, о том, что там, например, я не сидел бы так бесплодно, а занялся бы разрешением глубокого вопроса о вечном Ничто - и, проведши час или два в таком общепольном занятии, с спокойной совестью отправился бы к К** или к Г* сообщать свои открытия по этой части, вполне уверенный, что застану их разрешающими или уже разрешившими вопрос об абсолютном Всем, - и что таким образом себе и им доставлю удовольствие столкновения крайностей...

Не зная, что делать и даже что думать, я велел подать себе третью порцию мороженого и продолжал глядеть в окно на Невский, глядеть без мысли, глядеть почти не видя, глядеть не желая ничего видеть, потому что Невский надоел мне страшно. Долго ли сидел я в этом состоянии безмыслия, не знаю, - но из него я был выведен довольно сильным ударом по плечу и словом: "Здравствуйте!", словом, которого звук обдал меня каким-то знакомым ощущением.

Я обернулся - перед мною стоял один из моих московских приятелей, Александр Иванович Брага.

Я не мог опомниться от удивления и смотрел на него с минуту, не говоря ни слова. Так! Это был он, он сам, в том же вечном зеленом пальто, обшитом шнурами и застегнутом доверху, с пятнами чахотки на лице, с черною бородою, выглядывавшею из-под галстука... "Здравствуйте, - повторял он, радушно схватывая мою руку, - я увидел вас, идя по Невскому".

- Благодарю, что не забыли, - отвечал я, дружески пожимая его руку. - Ну что, как вы?... Знаете ли, я думал, что вы уже умерли.

- Нет еще, - отвечал он с тем же сардоническим смехом, который обыкновенно кончался у него удушливым кашлем, садясь на стул и вынимая из кармана сигары.

- Или что вы уже в Болгарии, - продолжал я, смотря на него пристально и